

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО СТИХОВЕДЕНИЮ

В последнее время все чаще возникают споры в связи со старой уже проблемой соотношения языка и художественной литературы и, следовательно, соотношения лингвистических и литературоведческих методов при исследовании литературного текста. Независимо от окончательной оценки этого соотношения, значение языковедческих методов в анализе художественной литературы весьма велико¹ и подчеркивается даже теми литературоведами, которые в принципе продолжают традиционную линию развития своей науки и не вполне компетентны в области методологии языкознания (Э. Штайгер, В. Кайзер и др.). Причина явного сближения некоторых разделов литературоведения с лингвистикой заключается, между прочим, в том, что языкознание разработало более совершенную процедуру языкового анализа, обеспечивающую объективный подход к описываемым фактам. В силу этого современное структурное языкознание первым среди других «гуманитарных» наук осознало новые основания для связей с другими науками и стало ведущей дисциплиной в кругу наук, изучающих различные семиотические системы. Иначе говоря, языкознание ближе всего подошло к осознанию своих собственных методов, во-первых, и методов (уже не вполне лингвистических), приложимых к анализу любой знаковой системы независимо от того, идет ли речь о языке или об искусстве, литературе, религии, не говоря уж о более простых видах семиотических систем. Именно поэтому сейчас лингвистические методы все чаще рассматриваются как средство моделирования и неязыковых знаковых систем. Естественно, что этот путь при его плодотворности

в целом чреват рядом опасностей, к числу которых следует отнести как поверхностное следование внешним аналогиям, так и использование в качестве моделей некоторых семиотических систем, весьма опосредствованно связанных с языком².

Пожалуй, ни один из разделов традиционного литературоведения не оказался в такой тесной связи и зависимости от языкознания, как стиховедение. Более того, не предвзятая проблема о том, может ли стиховедение в том виде, как оно складывается в настоящее время, входить в круг литературоведческих дисциплин, можно с уверенностью сказать, что, поскольку стихотворная речь может рассматриваться как особым образом организованный язык, изучение поэтического языка является одной из задач лингвистики. Признание этого положения логически вытекает из плодотворной инициативы, проявленной рядом ученых еще в 20-х годах³, и из специфических особенностей современного структурного языкознания. Очевидно, что начавшееся тогда сближение науки о стихе с языкознанием оказалось взаимно целесообразным и полезным. Известно, что углубленное изучение стиха явилось мощным импульсом для развития фонологии, для исследования таких кардинальных лингвистических проблем, как анализ языковых функций, соотношение письменной и устной речи, сегментация устной речи на минимальные единицы, определение слова, раскрытие природы целого ряда просодических супrasegmentных элементов и т. п. С другой стороны, очевидно, что наиболее существенные достижения стиховедения за последние годы связаны с применением лингвистических или некоторых иных (но через посредство лингвистики) методов; ср. работы по аксиоматике стиха, типологии метрических систем, установлению релевантных черт в стихе, по реконструкции доисторических

¹ О многообразии связей между анализом языка и художественной литературы и о том, каким образом язык связан с широкой областью культуры, можно сейчас составить представление по целому ряду авторитетных работ; помимо многочисленных работ Л. Вайсгербера, см. также: M. Wehrli, *Allgemeine Literaturwissenschaft*, Bern, 1951 (русский перевод: М. Верли, *Общее литературоведение*, М., 1957); Ch. Morris, *Signs, language and behavior*, New York, 1946; L. Spitzer, *A method of interpreting literature*, Northampton, 1949, и др.

² См. K. Burke, *A grammar of motives*, New York, 1945, а также некоторые более ранние работы того же автора.

³ Ср., например, работы Томашевского, Тынянова, Якобсона, Эйхенбаума, Жирмунского, Якубинского и др., а также ряд публикаций в сборниках «Поэтика», «Ars poetica» и др.

языковых систем, экспрессивному языку и т. д.⁴.

Применение к стиховедческим проблемам структурных методов исследования, вырабатанных в языковедении, дает возможность более глубокого анализа тех сложных вопросов, которые не нашли решения в традиционном стиховедении. Естественно, что использование новых методов в значительной степени преобразовало и самое проблематику стиховедения. С этой точки зрения существенный интерес представляет недавно появившаяся книга по стиховедению болгарского языковеда М. Янакиева⁵. Поэтому в дальнейшем при разборе рецензируемой книги М. Янакиева внимание будет уделено лишь тем теоретическим аспектам исследования, которые имеют отношение к сказанному выше (кстати, эти аспекты, по нашему мнению, и являются наиболее интересным и новым в этой книге, хотя ее автор указывает, что главная цель исследования состоит в конкретном анализе болгарского стиха⁶).

Прежде всего — несколько слов о значении книги Янакиева в истории изучения болгарского стиха. В силу ряда обстоятельств наука о болгарском стихе оставалась одним из наименее разработанных участков славянского стиховедения. Более живой интерес был проявлен болгарскими стиховедами и отчасти музыковедами лишь к изучению стиха народных песен, ср. работы Н. Начова, М. Арnaudова, С. Джуджева⁷. Именно этим, видимо, следует объ-

яснять тот факт, что, хотя независимость ритма стиха от музыкального ритма в принципе признавалась, болгарские ученые часто старались избежать изолированного рассмотрения ритмической организации стиха, включая этот вопрос в более общую проблему ритма (независимо от того, идет ли речь о стихе, музыке или танце). Отсюда — подчеркивание ритмического единства разных видов искусств (включая, между прочим, и живопись), интерес к вагнеровской «Wort-Ton Drama» и опытам, обосновывающим принципы общей науки о ритме (Р. Вестфаль, Т. Вимайер и др.)⁸. Не отрицая важности широкого подхода к проблеме ритма и учитывая даже такие парадоксальные на первый взгляд факты, как наличие в некоторых стихотворениях не словесного, а музыкального ритма⁹, — все же приходится сожалеть, что тема ритма не получила должного решения в болгарском стиховедении. Книга Янакиева в значительной степени восполняет этот пробел, причем выводы, к которым пришел автор, основаны на гораздо более широком материале, чем народная поэзия. Не приходится говорить о том, что в отношении ряда других разделов стиховедения у Янакиева вообще не было предшественников среди болгарских специалистов по стиху. Поэтому исследование Янакиева по справедливости следует рассматривать как первую попытку более или менее полного описания болгарского стиха во всех его разновидностях. В этом отношении рецензируемый здесь труд существенным образом пополняет наши сведения о болгарском стихе, недостаточность которых особенно остро осознавалась в последние годы в связи с несомненным оживлением славянского стиховедения¹⁰. Нужно полагать, что книга Янакиева послужит стимулом для дальнейшего, еще более углубленного изучения болгарского стиха и, может быть, впоследствии — для попыток построения обобщающих типологических работ по славянскому стиховедению.

книжовно дружество в Средец», кн. 49—50, 1895; М. Арnaudов, Очерки по български фолклор, София, 1934; S. Djoudjeff, Rythme et mesure dans la musique populaire bulgare, Paris, 1931; Ст. Джуджев, Теория на българската народна музика, I — Ритмика и метрика, София, 1954.

⁸ См. Е. п. Димитров, Изследвания върху строежа на стиха с оглед към българската поезия («Годишник на Софийския ун-т». Ист.-филол. фак-т, XXXVIII), 1942, стр. 67, и сл.; S. Djoudjeff, Rythme et mesure..., стр. 357 и сл.

⁹ См., например, об этом: Б. В. Томашевский, [реп. на кн.:] В. О. Unbegaun, Russian versification, ВЯ, 1957, 3, стр. 130.

¹⁰ См. также работы, как: М. Dłuska, Prozodia języka polskiego, Kraków, 1947; ее же, Sylabotonizm i jego związki z sylabizmem i tonizmem, «Sprawozdania PAN», 48, 5, 1947; ее же, Studia z historii i teo-

⁴ См. J. Lotz, Notes on structural analysis in metrics, «Helicon», IV, Budapest — Leipzig, 1942; R. Jakobson, J. Lotz, Axiomatik eines Verssystems am mordwinischen Volkslied dargestellt, Stockholm, 1944 (ср. R. Jakobson, J. Lotz, Axioms of a versification system exemplified by the Mordvinian folksong, «Acta Instituti hungarici universitatis holmiensis», Ser. B — Linguistica, I, Stockholm, 1952); J. Lotz, Metric typology, сб. «Style in language», New York, 1960; R. Jakobson, Studies in comparative Slavic metrics, «Oxford Slavonic papers», III, 1952; ео же, Linguistics and poetics, сб. «Style in language»; S. Chatman, Comparing metrical styles, там же; S. Saporta, The application of linguistics to the study of poetic language, там же; E. Stanekiewicz, Expressive language, там же, и т. п.

⁵ М. Янакиев, Българско стихознание, София, 1960.

⁶ Если это так, то приходится сожалеть, что типологическая классификация болгарского стиха заменена в книге анализом стиха ряда видных болгарских поэтов. Такое расположение материала в известной степени затрудняет понимание эволюции болгарского стиха в отдельных его разновидностях.

⁷ Н. Начов, Студия върху стихосложението на нашите народни песни, «Периодическо списание на Българското

Свою книгу М. Янакиев начинает с определения предмета науки о стихе, под которым он понимает стихотворную речь. Разумеется, такое определение предмета стиховедения достаточно неопределенно и не может считаться операционным. Оно оправдано лишь в том смысле, что благодаря ему указывается на недостаточность нередко встречающегося ограничения предмета стиховедения анализом стихотворного ряда, или строки. Естественно, что автору в дальнейшем приходится определить объем понятия «стихотворная речь». При этом он с самого начала становится на вполне рациональную точку зрения, утверждая, что определение должно быть дано на основе четких формальных критериев. По мнению Янакиева, стихотворная речь всегда является ритмически организованной (поэтому исключаются «свободный стих»), но не зависящей от содержания, эмоциональной окраски и, если угодно, осмысленности. Правда, позиция автора в отношении критерия осмысленности заслуживает, вероятно, в известной мере упрека и требует во всяком случае уточнения на более строгой основе. Дело в том, что, разбирая так называемые «заумные» стихи, Янакиев вслед за рядом других ученых считает, что даже такие стихи являются осмысленными, и не только на фонологическом уровне, но и на морфологическом, поскольку они воспринимаются в пределах тех возможностей, которые предусматриваются системой фонологических и морфологических противопоставлений того языка, на котором написаны эти стихи. В свете этой идеи Янакиев анализирует одно из стихотворений В. Хлебникова. Трудно опровергнуть мысль автора о том, что фонологически (как в плане алфавита фонем, так и в плане дистрибутивных возможностей¹¹) «заумь» Хлебникова вполне обусловлена системой русского языка. Предполагать то же самое и для морфологического уровня — гораздо труднее, во всяком случае — для целого ряда примеров. Вероятно, анализ «заумных» строк с точки зрения возможностей их транс-

морфологизации должен быть более дифференцированным. Во всяком случае, осмысленность ряда слов, на которой настаивает Янакиев, остается крайне спорной, поскольку возможность осмысленного восприятия некоторых отрезков «зауми» перекрывается сознательным стремлением поэта вырваться за пределы морфологического и, тем более, лексического пространства русского языка. Поэтому для целой категории случаев разумнее говорить о негативной детерминированности их на морфологическом уровне¹² (случаи, когда задача автора сводится к тому, чтобы специально избежать грамматически осмысленных слов). Как бы ни решался вопрос о критерии осмысленности в стиховедении, дискуссия вокруг него представляет особый интерес в связи с обсуждением этой же проблемы осмысленности, или «отмеченности», в новейшей лингвистике. Важно и другое: презумпция осмысленности, лежащая в основе человеческого восприятия речи и ставящая в тупик ряд исследователей при построении аксиоматических теорий языка¹³, должна побудить языковедов вновь обратиться к анализу восприятия таких предельных случаев, как, например, стихи Хлебникова¹⁴.

Следует упомянуть еще об одной проблеме, которая возникла внутри стиховедения и к тому же довольно давно, но приобретает сейчас несколько новую форму в связи с успехами языкознания. Янакиев на протяжении всей книги последовательно разграничивает письменную и устную речь, возможно, даже преувеличивая разницу между ними; так, на стр. 20 и далее он говорит о двух языках, звуковом и письменном, рассматривая чтение как перевод с письменного языка на звуковой, а записывание — как перевод со звукового языка на письменный. Не касаясь деталей, можно указать три рода факторов, в известной степени оправдывающих такое противопоставление письменного и устного языка. Во-первых, следует помнить о существующих между ними различиях, обусловленных разницей в слуховом и

rri wersyfikacji polskiej, I — 1948, II — 1950, Kraków; K. W. Zawodziński, *Studia z wersyfikacji polskiej*, Wrocław, 1954; K. Budzyk, *Spór o polski sylabotyzm*, Warszawa, 1957; M. Giergielewicz, *Rym i wiersz*, London, 1957 и другие работы по польскому стиху; K. Hořálek, *Ročátky novočeského verše*, Praha, 1956; J. Hrabák, *Úvod do teorie verše*, Praha, 1956, а также значительное количество статей по чешскому стиху; K. Тарановский, *Руски дводелни ритмови*, I — II, Београд, 1953; R. Burgi, *A history of the Russian hexameter*, Hamden, 1954; B. O. Unbegaun, *Russian versification*, Oxford, 1956; Л. И. Тимофеев, *Очерки теории и истории русского стиха*, М., 1958, и другие работы по русскому стиху.

¹¹ Но отнюдь не статистических возможностей, если только они действительно для закрытых текстов, подобных хлебниковским стихам.

¹² Может представиться и такая ситуация, когда «заумь» полнее интерпретируется с точки зрения иного языка по сравнению с тем, на котором она писалась.

¹³ См. замечания А. Хилла о критерии «грамматической правильности» Н. Хомского («Word», XVII, 1, 1961).

¹⁴ Вообще следует заметить, что, рассуждая об отношении науки о стихе к семантическим факторам, автор несколько облегчает свою задачу, устранив от обсуждения тех случаев, когда, например, содержание текста опосредствованно связано с ритмом (см. об этом: А. Белый, *Символизм*, М., 1910, стр. 321—322) или же когда наличие определенных лексем обуславливает возможности выбора размера или словораздела (см. И. Н. Голенищев-Кутузов, *Словораздел в русском стихосложении*, ВЯ, 1959, 4). Помимо этого, нужно помнить, что на известном уровне сама структура (в данном случае — стиха) является элементом содержания.

зрительном восприятии (ср. визуальные рифмы, сложные системы рифмовки с большими интервалами, изощренную строфику, акrostихи, carmen sanginum, carmen griphicum, carmen pythagoricum, carmen antitheticum и некоторые новые образцы вроде отдельных «визуальных» стихотворений. Г. Аполлинера). Во-вторых, в последнее время стало очевидным типологическое различие устной и письменной речи и уже — асимметрия графической и фонологической систем¹⁵; впрочем этот фактор имел бы наибольшее значение в иной ситуации, когда, скажем, устный и письменный текст, описывающие одну и ту же реальность, отличаются друг от друга, завися только от описываемой реальности, но не друг от друга. В-третьих, различие между письменной и устной формой стихотворения отчасти напоминает различие между языком и речью, так как не все, что читающий вслух стихотворение делает с ним, является свойством самого стихотворения¹⁶. Все эти соображения позволяют считать плодотворной мысль, согласно которой письменная и устная формы стиха не могут рассматриваться как две ипостаси (изоморфные друг другу) одного и того же языка. К сожалению, Янакиев упускает из виду, что в принципе можно построить два варианта анализа стиха — на графическом и звуковом уровнях.

Одно из новшеств исследования М. Янакиева заключается в том, что здесь признается недостаточность понятия фонемы для целей стиховедческого анализа, поскольку фонема определяется совокупностью лишь смысловых различительных признаков и не включает различительных признаков иных типов (демаркационных, эмоциональных и других), которые при анализе стиха как раз и оказываются релевантными. Таким образом, Янакиев встает перед необходимостью найти новую единицу, с помощью которой можно бы было анализировать многомерное пространство стиха. Эта единица должна, видимо, отражать сложное сочетание языковых функций¹⁷ и учитывать то, что было уже сделано в работах по экспрессивной и афеллятивной фонологии (Ю. Лазницки, Н. С. Трубецкой и др.¹⁸). В качестве такой

единицы Янакиев вводит понятие фемы, понимаемой как совокупность всех различительных признаков. Интересно, что эти признаки (автор называет их феморазличительными) в полном соответствии с принципами современной фонологии рассматриваются как дискретные признаки, принимающие два состояния (распространение дихотомической теории и на анализ таких признаков, как эмотивные и т. д.). Несомненно, что эта часть работы весьма поучительна; приходится, впрочем, пожалеть, что теория не подкреплена конкретным анализом возможных феморазличителей. Этот пробел тем более существен, что, по мнению автора, не только вся лингвистическая терминология переводима с помощью понятий фемы и феморазличителя, но и, более того, с их помощью можно описать также те факты, которые до сих пор ускользали от внимания языковедов (ср., в частности, physiognomic indices).

Весьма целесообразны взгляды Янакиева по вопросу о делении слова на слоги и о природе ударения. Следуя Е. Куриловичу и М. Ренскому, он считает, что самостоятельное и независимое определение границ слога внутри слова не вполне закономерно. Реально границы слога выделяются в начале и в конце слова, внутри же слова — они не более чем абстракция, реализуемая в некоторых специфических видах речи (например, при скандировании). Несомненно, есть и иные основания, заставляющие современных исследователей сомневаться в операционности понятия слога¹⁹. В связи с этим автор отказывается строить ритмические схемы на понятия слога. В известном смысле это предопределило и трактовку Янакиевым ударения. По его мнению, ритмическая схема осуществляется регулярным появлением особых феморазличителей (ударности). При этом, основываясь на интересных опытах Н. И. Жинкина²⁰, он считает, что различительный признак ударности основан не на общей энергии сигнала (характерной лишь для логического или фразового ударения, причем последнее замещает словесное ударение при произнесении изолированного слова), а на особом тембре звука. Таким

В кн. «Manual of phonetics», ed by L. Kaiser, Amsterdam, 1957.

¹⁹ Так, Лотц (J. Lotz, *Metric typology*, стр. 138) указывает, что понятие слога принадлежит к числу наиболее темных в фонологической теории. По его мнению, оно относится к тому аспекту фонологического анализа, который предшествует контрастно-различительному сравнению отрезков речи и который может быть назван «a matching operation». Любопытно, что даже для сильно регулируемых метрических систем, основанных на силлабификации, метрически релевантным оказывается, по мнению Лотца, не слог, а силлабический «пульс», характеризующий слоговую доминантой.

²⁰ См. Н. И. Жинкин, *Восприятие ударения в словах русского языка*, «Изв. АПН РСФСР», 54, 1954.

¹⁵ См., например: J. V a c h e k, *Some remarkson writing and phonetic transcription*, «Acta linguistica», II, København, 1945—1949; C. S. V a z e l l, [ред. на кн.:] L. Hjelmslev, *Omkring sprogteoriens grundlæggelse*, 1943, «Archivum linguisticum», I, 1949; Т. М. Н и к о л а е в а, *Письменная речь и специфика ее изучения*, ВЯ, 1961, 3.

¹⁶ См. W. K. Wimsatt Jr., M. C. Beardsley, *The concept of meter: an exercise in abstraction*, в сб. «Style in language», стр. 193.

¹⁷ Ср. современное состояние этого вопроса (по сравнению с учением К. Бюлера): R. J a k o b s o n, *Linguistics and poetics*, стр. 353—358.

¹⁸ Из новых работ см.: A. W. de Groot, *Phonetics in its relation to aesthetics*,

образом, в болгарском (и, видимо, в русском) языке безударный гласный отличается от ударного одновременным присутствием признаков компактности и диф-

фузности (стр. 57 и сл.). Вот схема болгарского вокализма, приведенная в книге Янакиева (с некоторыми терминологическими изменениями):

Признак / Фонема	Компактность (открытость)	Диффузность (закрытость)	Бемольность (лабильность)	Диезность (палатальность)
а (ударная)	1	0	0	0
ъ (ударная)	0	1	0	0
а (безударная) = ъ (безударная)	1	1	0	0
о (ударная)	1	0	1	0
у (ударная)	0	1	1	0
о (безударная) = у (безударная)	1	1	1	0
е (ударная)	1	0	0	1
и (ударная)	0	1	0	1
е (безударная) = и (безударная)	1	1	0	1

Эта схема, видимо, неплохо объясняющая механизм редукции в болгарском языке, связана, однако, с серьезными акустическими трудностями, вытекающими из своеобразной трактовки автором понятий диффузности и компактности, а также с фонологическими трудностями, объясняющимися супrasegmentной природой ударения.

Значительное место в книге уделено проблеме ритма. При этом Янакиев категорически выступает против различения ритма и размера; по его мнению, ритм, описанный в терминах стиховедения, и является размером данного стихотворения. Тем самым автор, по сути дела, выступает против известного понимания ритма, в соответствии с которым ритм определяется «некоторым единством в сумме отступлений от данной метрической формы» (А. Белый). Разумеется, можно анализировать стихотворную речь, и не различая ритма и размера. Труднее, однако, доказать принципиальную необходимость именно такого подхода. Нужно думать, что общее решение вопроса определяется конкретным заданием и, в частности, тем, какую сеть стиховедческих понятий, относящихся к метру, накладываем мы на стихотворную речь. В самом деле, если мы оперируем ямбом, хореем, дактилем, амфибрахием и анапестом (как это часто делается в пособиях по стиховедению), то естественно возникает необходимость различения ритма и размера. Лишь по мере сужения объема понятий, используемых при анализе, различия между ритмом и размером ста-

новятся менее актуальными, а для предельного случая и вовсе стираются.

Анализ ритма представляет особый интерес, поскольку вводит исследователя в изучение гораздо более сложных структур, чем те, которые отражаются в стихотворной строке. Янакиев вполне понимает ответственность, которую берет на себя стиховед, изучающий вопросы ритмической организации. Следуя лингвистическим аналогиям, автор вводит понятие ритмемы, выступающей в качестве единицы ритмической организации стиха. Необходимость введения этой единицы (у Янакиева она не получила определения, но достаточно хорошо описана, чтобы понять, о чем идет речь) вполне очевидна и с практической (поскольку ритмема далеко не всегда совпадает со строфой) и с теоретической точки зрения (ср., между прочим, отношения: фема — феморазличитель и ритмема — ритморазличитель²¹). В частности, именно введение понятия ритмемы позволяет автору осуществить попытку построения учения о ритморазличителях как минимальных различителях отдельных ритмов. В связи с этим предлагается классификация ритморазличителей: а н а к р у с т и ч е с к и е (например, ямб отличается от хорей только наличием анакрузы), к л а у з у л ь н ы е (в зависимо-

²¹ Ср. также понятие response, определяющее отношение между сопоставимыми элементами метрических структур (J. Lotz, *Metric typology*, стр. 139).

сти от типа окончания: мужского, женского или дактилического), н у к л е а р и я е. Последний тип ритморазличителей связан с введением понятия ядра стиха; по мысли Янакиева, ядро начинается там, где кончается переходный процесс (т. е. анакруза) и начинается детерминированная стиховой организацией последовательность; конец ядра определяется клаузульной константой (т. е. зависит от последнего ударения в стихе). Между прочим, с помощью понятия ядра и определения (количественным образом) его отношения ко всему стиху можно получить существенную характеристику структуры стиха (степень однородности в организации стиха).

Заключительная часть книги Янакиева посвящена анализу болгарских народных песен и стихотворений Ботева, Вазова, Славейкова, Яворова, Лиллева, Дебелинова и некоторых других поэтов. При этом специфика стихотворной речи каждого из этих авторов описывается в тер-

минах ритморазличителей. В принципе заслуживает одобрения стремление автора встать на теоретико-информационную точку зрения при анализе ряда стиховедческих проблем (ср. понятия корректирующего кода, переходного процесса и т. п.)²². К сожалению, в книге отдельные теоретико-информационные соображения не связаны со статистическим анализом, о котором, впрочем, говорится в разных местах книги. Следует указать, что автор неоднократно прибегает к ссылкам на достижения точных наук и к различного рода аналогиям; некоторые из них производят впечатление известной неорганичности. Тем не менее, частные недочеты не могут существенно повлиять на положительную оценку полезного исследования болгарского ученого. Важно и другое: непредвзятый читатель увидит, какие перспективы открываются перед стиховедением как лингвистической дисциплиной.

И. И. Реввин, В. Н. Топоров

T. Slama-Cazacu. Langage et contexte. Le problème du langage dans la conception de l'expression et de l'interprétation par des organisations contextuelles. — s-Gravenhage, 1964. 251 стр.

Рецензируемая книга завершает собой ряд публикаций Т. Слама-Казаку, посвященных общей теории языка¹. Книга открывается «Историко-методологическими пролегоменами», где автор рассматривает развитие научных представлений о языковой деятельности. Т. Слама-Казаку выделяет две основные тенденции в трактовке языковых явлений: понимание языка как абстрактной системы, особенно характерное для копенгагенской лингвистической школы, и изучение языка в его реальности и целостности как динамического процесса с учетом обуславливающих языковую деятельность социальных и биологических факторов, безоговорочно становясь на эту последнюю точку зрения.

Первая часть — «Сущность языковой деятельности» — разделена на три главы: «Сущность языковой деятельности», «Координаты языковой деятельности» и «Составные элементы языка».

²² Плодотворность введения теоретико-информационных соображений в анализ стиха становится очевидной в свете последних работ А. Н. Колмогорова.

¹ Из них следует отметить статьи «Принцип приспособления к контексту» («Журнал языкознания», I, Бухарест, 1956) и «La „structuration“ dynamique des significations» (сб. «Mélanges linguistiques publiés à l'occasion du VIII Congrès international des linguistes à Oslo», Bucarest, 1957). Вышедшая в 1959 г. в Бухаресте книга «Limbaș și context» представляет собой первую редакцию рецензируемой работы. Вопросы развития мышления и речи ребенка-дошкольника разработаны автором в монографии «Relațiile dintre gândire și limbaj în ontogeneză (3—7 ani)», București, 1957.

В первой главе дается определение языковой деятельности, языка и речи. Языковая деятельность (langage) определяется как «сложная совокупность процессов, которая (будучи результатом определенной психической активности, детерминированной социальной жизнью) делает возможным усвоение и конкретное использование того или иного языка» (стр. 20). Это объект психологии. Язык (langue) состоит из грамматической, лексической и фонетической системы; его наиболее полное определение дается ниже, в третьей главе. Речь (parole) — «акт индивидуального и конкретного использования языка». Автор специально отмечает тот факт, что «языковая деятельность есть социальное явление не только с генетической точки зрения..., но и по самой своей природе» (там же). Давая характеристику основным формам языковой деятельности, автор особенно подробно останавливается на «языке» животных. В отличие от многих современных психологов и лингвистов Т. Слама-Казаку ясно видит принципиальное отличие этого «языка» от человеческого языка и резко выступает против «антропоморфизации» средств коммуникации у животных.

Общее впечатление от главы несколько снижается из-за отсутствия четко сформулированного принципа классификации видов речи. Между тем очевидно, что соотношение звуковой речи и «кинетической» речи, а тем более — звуковой речи и «языка» животных в корне отлично от соотношения звуковой и внутренней речи. Вероятно, было бы целесообразно по крайней мере терминологически разграничить классификационные ряды, например, говорить, с одной стороны, о внутренней речи, но, с другой — о кинетической форме речевой деятельности.